

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

Жан Ануй

Коломба

Перевод с французского
Надежды Жарковой
Стихи в переводе П. Борисова

ФТМ

УДК 821.133.1
ББК 84 (4Фра)
А73

**Файл книги для электронного и PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

*Перевод с французского
Надежды Жарковой*

Ануй, Жан.

А73 Коломба: пьеса / Пер. с франц. Н. М. Жарковой. — М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2016. — 180 с. (Библиотека драматургии Агентства ФТМ, Лтд.).

ISBN 978-5-4467-2437-6

Действие «Коломбы» происходит в парижском театре. Эта пьеса о том, как жизнь (красивая или тяжелая, или все вместе) меняет человека через его отношение к себе и к окружающей его действительности. В театр волею судьбы попадает простая цветочница Коломба — отважная красавица, которую оставил муж и которая вынуждена исхитряться, чтобы прокормить себя и своих детей. Благодаря своей смекалке и интригам у нее получается строить успешную карьеру в театре.

ISBN 978-5-4467-2437-6

© Перевод. Н. М. Жаркова,
наследники, 2016
© Агентство ФТМ, Лтд., 2016

Действующие лица

Мадам Александра, знаменитая трагическая актриса.

Жюльен, Арман, ее сыновья.

Коломба, жена Жюльена.

Эмиль Робине (Наш Дорогой Поэт), поэт,
член Французской академии.

Дефурнет, директор театра.

Дюбарта, актер.

Мадам Жорж, костюмерша мадам Александры.

Ласюрет, ее секретарь.

Парикмахер.

Педикюрщик.

Маникюрщик.

Официант от «Максима».

Рабочие сцены.

Администратор.

Режиссер.

Действие первое

Коридор, куда выходят двери артистических уборных, тут же уборная мадам Александры, открытая зрительно. Коридор освещен тускло, уборная еще полутемная, Коломба сидит на стуле, Жюльен шагает по коридору. Очевидно, оба ждут чего-то. Входит, неся стул, мадам Жорж, костюмерша.

Жорж. Вот вам, садитесь, мсье Жюльен. Придется еще подождать.

Жюльен *(в глубине сцены)*. Спасибо, Жорж. Но я же тебе сказал: лучше я постою.

Жорж. Все так говорят поначалу, а потом, глядишь, ноги устанут. Мой старший был совсем как вы, — все стоял да стоял. А знаете, до чего достоялся? До расширения вен. А я вот всегда сижу, и потому у меня ноги не болят, только зад устает.

Жюльен. Плевать мне на твой зад, Жорж. По мне бы только старуха пришла поскорее.

Жорж *(Коломбе)*. Сначала мурашки бегают, а потом начинает крестец ломить, а там и до поясницы

доходит. Все давишь и давишь на одно место, вот под конец оно и немеет.

Жюльен (*кричит Коломбе*). Скажи ей, пожалуйста, что тебе надоело, что тебе неинтересно слушать про ее задницу! А то через пять минут она тебе ее продемонстрирует.

Жорж. Просидеть тридцать лет, мадам Жюльен, дожидаясь конца спектакля! А некоторые пьесы ох и длинные! Вот все говорят, тяжело, мол, приходится чернорабочему, а наше костюмерное дело тоже тяжелое.

Коломба. Но вы же не обязаны все время сидеть?

Жорж. Нет, конечно, но тогда ноги устанут. А у меня после шестых родов тромбофлебит был и до сих пор дает себя знать.

Жюльен (*орет*). Плевать мне на твой флебит, Жорж! Поди посмотри, на сцене старуха или нет!

Жорж. Нет. Перед репетицией она всегда заходит к себе в уборную. Старуха! Хорошенькое дело величать так родную мать, да еще в таком месте.

Жюльен. Ты мне нравоучений не читай!

Жорж. Нет, вы только послушайте его, только послушайте! Ну вылитый мой старшой. Помню, когда мужа принесли с отрезанными ногами — он попал у Панарда под машину, чистил ее и попал, — так вот я подумала: ну, теперь проживу спокойно, бить меня больше некому. Но, видно, мадам Жюльен, никогда нельзя зарекаться: старшой начал драться, как отец, и по субботам тоже вечно пьян. С детьми одна беда. Мой третий, тот, что от туберкулеза помер, — тот,

я вам доложу, совсем тихий был. Сидит, бывало, у себя в уголке, кашляет, харкает или играет целый день в одиночку деревянными чурочками. Зато другие... А от вашего малыша, мадам Жюльен, вы хоть радости-то имеете?

Коломба. Ему ведь всего только год.

Жорж. В таком возрасте они еще несмышлелы. Вот когда начнут ходить на завод, тогда и покажут себя. А здоровенький он у вас?

Коломба. Да, здоровый, спасибо.

Жорж. А каша? Какашки у ребенка самое главное. Если у ребенка хорошие каша, значит, растет здоровым.

Жюльен (*в бешенстве подходит к ней, хватая ее за руку*). Если ты, Жорж, скажешь еще хоть слово, я поступлю, как пятеро твоих сыновей: избью тебя.

Жорж (*спокойно, Коломбе*). Вот все они мужчины такие, мадам Жюльен, все одним миром мазаны, только и есть у них на уме — драться. И подумать, ведь на моих глазах вырос!

Жюльен. Вот именно! Слишком долго я тебя слушал.

Жорж. А какой он был миленький мальчик! Бывало, ждет мадам в воскресенье утром и просит меня: «Жорж, дай мне нуги». Ведь верно, мсье Жюльен?

Жюльен (*обескураженный, отпускает ее руку и отходит*). Верно.

Жорж. А знаете, кого он мне напоминал? Моего третьего, того, что от чахотки помер. Тоже,

бывало, сидит себе тихонько в уголке и смотрит на вас. Скажет только «дай нуги» и молчит. У него, мсье Жюльена, то есть, тоже были слабые бронхи.

Жюльен. Теперь лучше, гораздо лучше. Это я от твоей нуги вылечился.

Жорж. Все так говорят. Вот и мой тоже говорил: «Я всех здоровее», а потом в один прекрасный день как стал кашлять кровью... Надо за ним следить, мадам Жюльен, надо ему отвары, укрепляющие давать, пока еще не поздно, да и маленькому вашему тоже. Потому что каков отец, таков и сын. Надеюсь, ваш ангелочек хоть не кашляет?

Жюльен. Слушай, Жорж, мой сын не кашляет, моя жена не кашляет, я тоже не кашляю. И оставь нас в покое! Пойди погляди, внизу старуха или нет.

Жорж. А вот мой четвертый, он сейчас в Иностранном легионе, так тот на почки слаб. Запомните, мадам Жюльен: когда ваш маленький плачет, всегда смотрите, какого цвета у него моча. Если слишком светлая — значит, малокровие. Тогда лучше всего в молоко ему немножечко чеснока натереть.

Жюльен (*подходит*). Послушай, Жорж, ты наверняка знаешь, что сегодня репетиция? Мне необходимо ее повидать.

Жорж. Два года родную мать не видеть! Да еще женился за это время и ни словечка не сказал. А теперь явился перед самой репетицией и хоть бы предупредил... Ну и будет дело! Уж мы-то привычные, а все-таки и нам достанется. Мадам Александра тоже ведь не сахар. Они с Жюльеном никогда

не ладили. Это не то что мсье Арман, — тот умеет подластиться, ничего не скажешь.

Жюльен. А что она сейчас играет?

Жорж. «Императрицу сердец», пьесу с пятью переодеваниями, мсье Жюльен. Вот когда она «Го-фолию» играет, совсем другое дело, славная пьеса — только раз переодевается. А сейчас репетируют «Женщина и змея», пьеса Нашего Дорогого Поэта, по всему видать — эта хуже всех будет. Семь переодеваний, причем два прямо на ходу. Пишут пьесы, а о костюмершах небось не думают.

Жюльен. Жорж, миленькая, скоро уже три часа. Будь добра, сходи посмотри, пришли другие актеры или еще нет?

Жорж. А на сцену два этажа от уборных, мадам Жюльен... Вы подумайте только, сколько раз я за вечер со своим флебитом хожу вверх и вниз. Надо и впрямь любить театр, чтобы такое выдерживать. Иногда думаешь, пойду-ка я в консьержки — только и делов, что дворик подмести! Правда, там почту по этажам приходится разносить! Бедного ноги кормят.

Жюльен (*подталкивает ее к дверям*). Или зад, как, например, тебя, а зад — он тоже болит... Иди, иди живее!

Жорж уходит.

«Императрица сердец»! Должно быть, играет влюбленную. Плохо дело.

Коломба. Почему же?